

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-66-79
EDN: BVDVAE

Научная статья / Research article

Политические аспекты водного курса стран Центральной Азии

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ sergej-z71@yandex.ru

Аннотация. Проблема политизации водных отношений по-прежнему остро стоит для стран Центральной Азии. Несмотря на усилия, рост дефицита водных ресурсов провоцирует повышенное внимание к проблеме стран региона и внерегиональных государств. Водная политика стран Центральной Азии стала формироваться после распада СССР, когда кардинально изменилась геополитическая ситуация. Получение независимости центральноазиатские государства расценили в качестве возможности упрочить свои позиции в регионе, прежде всего, за счет проведения самостоятельной и национально ориентированной водной политики. Внешнеполитический курс в сфере гидроэнергетики формировался под влиянием внутривнутриполитических процессов, которые получили развитие на момент распада СССР. Несмотря на нарастание проблем в водной сфере, страны региона продолжали проводить курс, который игнорировал интересы соседних государств и не предполагал развитие многостороннего сотрудничества в водной сфере. Большая часть вопросов, касающихся использования ресурсов трансграничных водотоков, находилась под мощным прессингом политических факторов. Сказывалось геополитическое соперничество между центральноазиатскими государствами. Перспективные проекты гидротехнических сооружений рассматривались в контексте исключительно национальной политики, направленной на укрепление своего влияния в регионе и получение геоэкономических преимуществ. Лишь в последние годы, в связи с внутривнутриполитическими изменениями и нарастанием дефицита водных ресурсов, страны Центральной Азии стали менять свои позиции, выступая за развитие диалога. Используя метод сравнительного и системного анализа, выявлено влияние политических факторов на водную сферу стран Центральной Азии. Автором сделан вывод, что, несмотря на смягчение центральноазиатскими странами риторики при обсуждении проблем, связанных с использованием ресурсов трансграничных водотоков, и расширением двустороннего и многостороннего взаимодействия, политические аспекты по-прежнему будут влиять на водный курс стран Центральной Азии.

© Жильцов С.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Центральная Азия, водная сфера, политические аспекты, гидротехнические сооружения, водная политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жильцов С.С. Политические аспекты водного курса стран Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 66–79. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-66-79>

Water Politics in Central Asian Countries: Political Aspects

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, *Moscow, Russian Federation*

✉ sergej-z71@yandex.ru

Abstract. The problem of politicization of water relations remains acute for the countries of Central Asia. Despite efforts, the growing deficit of water resources provokes increased attention to the problem by the countries of the region and extra-regional states. The water policy of the Central Asian countries began to form after the collapse of the USSR, when the geopolitical situation changed dramatically. The Central Asian states regarded independence as an opportunity to strengthen their positions in the region, primarily through the implementation of an independent and nationally oriented water policy. The foreign policy course in the field of hydropower was formed under the influence of domestic political processes that developed at the time of the collapse of the USSR. Despite the growing problems in the water sector, the countries of the region continued to pursue a course that ignored the interests of neighboring states and did not imply the development of multilateral cooperation in the water sector. Most of the issues related to the use of transboundary watercourses were under powerful pressure from political factors. Geopolitical rivalry between the Central Asian states had an effect. As a result of national policies that were only interested in increasing their power in the region and getting geo-economic benefits, promising projects for hydraulic structures were looked at. Only in recent years, due to internal political changes and the growing shortage of water resources, the Central Asian countries began to change their positions, advocating for the development of dialogue. Using the method of comparative and systemic analysis, the influence of political factors on the water sector of the Central Asian countries was revealed. The article concludes that despite the softening of the rhetoric by the Central Asian countries when discussing problems related to the use of transboundary watercourse resources and the expansion of bilateral and multilateral cooperation, political aspects will continue to influence the water policy of the Central Asian countries.

Keywords: Central Asia, water sector, political aspects, hydraulic structures, water policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zhiltsov, S.S. (2025). Water politics in Central Asian countries: Political aspects. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 66–79. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-66-79>

Введение

Актуальность проблемы определяется сохраняющимся конфликтным потенциалом, который не уменьшился между центральноазиатскими государствами по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии. Несмотря на улучшение межгосударственных отношений между странами региона, многие вопросы по-прежнему носят острый характер. Прежде всего, это касается строительства и последующего использования гидротехнических сооружений. Формально они должны способствовать решению водных проблем. Однако на практике, в условиях возрастающего дефицита, они способны усилить межгосударственные противоречия.

В последние годы проблема водных ресурсов находилась в фокусе внимания российских и зарубежных исследователей. Автор статьи не раз обращался к вопросам, связанным с использованием и вододелиением водных ресурсов в странах Центральной Азии. В последние два десятилетия были опубликованы работы, среди которых можно выделить следующие статьи: «Борьба за воду» [Жильцов, Зонн 2008], «Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек» [Жильцов, Бименова 2015], «Роль водных ресурсов в Центральной Азии» [Жильцов, Зонн 2019], [Жильцов 2023]. Кроме того, в 2018 г. в зарубежном издательстве «Springer» вышел в свет сборник, посвященный водным ресурсам Центральной Азии. Во всех работах рассматривались причины нарастания проблем, связанных с водными ресурсами в регионе.

Следует отметить, что проблема использования водных ресурсов в Центральной Азии имеет длительную историю. На протяжении столетий проживающие на этих территориях люди использовали водные ресурсы для удовлетворения своих потребностей. С развитием промышленности и расширением площадей под сельское хозяйство вопросы водопользования вышли на уровень государственной политики. В Средней Азии (название Центральная Азия — с 1993 г.) вопросы использования водных ресурсов в интересах государства стали подниматься с XIX в., когда среднеазиатские ханства вошли в состав Российской империи. Было подготовлено несколько документов, которые показывали, что российские власти уделяют данному вопросу повышенное внимание. Так, в июне 1877 г. первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман утвердил первый правовой нормативный акт — «Временные правила об ирригации Туркестанского края». Они полностью отменяли обычный для местного населения порядок пользования водными ресурсами, что вызвало недовольство у населения. Вода в арыках, каналах и реках, согласно документу, объявлялась собственностью казны царской России, а население получало лишь ограниченное право пользования водой в целях ирригации. Таким образом, царские власти стремились проводить водную политику, направленную на более эффективное использование ресурсов.

Следующим этапом, который напрямую затрагивал водные ресурсы, стал «Сталинский план преобразования природы», предложенный в 1948 г. Он касался развития оросительных систем среднеазиатских республик. Согласно плану, в 1949 г. начала реализовываться программа, которая ставила целью перераспределить сток реки Амударьи по Приаральской низменности. Затем, в 1966 г.

на пленуме центрального Комитета КПСС была утверждена программа по масштабной мелиорации земель в Советском Союзе. Таким образом, как в царское время, так и в Советском Союзе реализовывалась политика, которая ставила задачу установления контроля над водными ресурсами и повышения эффективности их использования. Кроме того, в советский период в странах Средней Азии и Казахстане проводилась централизованная водная политика, которая исходила из интересов экономики всего СССР.

В Советском Союзе республики не проводили самостоятельную политику в водной сфере. Центральные власти решали ключевую задачу, связанную с распределением и использованием водных ресурсов. Водный курс советских властей был направлен на проведение единой политики, которая разрабатывалась исходя из интересов как среднеазиатских республик и Казахстана, так и остальных республик. Единый план позволял устранить противоречия и обеспечить единство региональной экономики: «...Советская система межреспубликанских водных отношений, основывавшаяся на лимитах вододеления между ними и балансе договорных обязательств между республиками и союзным центром. Регулирование речного стока трансграничных рек было направлено на сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик, сочетающих выработку электроэнергии и развитие аграрного сектора экономики» [Сарсембеков, Мироненков 2007]. При этом одним из «критериев работы водохранилищ была максимальная общая выгода» [Гриняев, Фомин 2009: 3].

Политический фактор в водной проблеме

После распада СССР водная проблема вышла на первый план для стран Центральной Азии, которые безуспешно пытались ее разрешить. Исторически водные ресурсы в Центральной Азии формируются в основном в двух крупных реках: Сырдарье и Амударье, которые начинаются в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья берет начало в Киргизии и далее течет в Таджикистан и в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан. Амударья берет начало в Таджикистане и далее следует в Узбекистан и Туркменистан. Среднегодовой сток Сырдарьи составляет около 37 км³, Амударьи — 78 км³.

В условиях единой системы, существовавшей в СССР, был создан механизм, который фактически уравнивал интересы Таджикистана и Киргизии — с одной стороны, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана — с другой. Казахстан, Узбекистан являются наиболее промышленно развитыми странами, располагают крупными запасами нефти, газа и другими ресурсами. Эти страны имеют наибольшую численность населения среди государств региона. Располагаясь в нижнем течении, они находятся в сильной зависимости от «верхних» стран: Киргизии и Таджикистана, которые наиболее обеспечены водными ресурсами и фактически контролируют основные водотоки Амударьи и Сырдарьи, главных водных артерий Центральной Азии.

После обретения независимости страны Центральной Азии стали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек. Они отказались

от советского принципа учета взаимных интересов и стали проводить собственную политику в сфере распределения водных ресурсов. Каждое из государств исходило из собственных интересов, которые были направлены на максимальное использование водно-энергетического потенциала. Соответственно, политика каждого из государств мало учитывала интересы соседних государств, не соотнося их с общей проблемой водных ресурсов в регионе.

Политические аспекты отношений между центральноазиатскими государствами по вопросу использования водных ресурсов возникли из-за отсутствия должного правового регулирования. Отсутствие законодательства, регулирующего «водную проблему», создало предпосылки для обострения двусторонних отношений и, как следствие, вывело водную проблематику на политический уровень. Фактически сразу после распада СССР вопросы использования воды, в силу их значимости для развития каждого из государств, попали в фокус внимания руководства новых стран. Доступ к водным ресурсам является ключевой проблемой, от решения которой напрямую зависело будущее каждой из стран. Соответственно, интересы соседних государств отходили на второй план [Жильцов, Бименова 2015]. В то же время страны региона в первое время не исключали возможность использовать опыт Советского Союза, в котором действовал принцип «общего котла». Это подразумевало преобладание общих подходов к решению водной проблемы над интересами отдельных республик. Важным в этом направлении, именно политическим шагом стала инициатива, которую выдвинули представители национальных водохозяйственных ведомств Средней Азии и Казахстана в октябре 1991 г. В тот период, когда центральные власти утратили свое влияние, руководители среднеазиатских республик понимали, что необходимо найти решение водной проблемы, которая была одной из ключевых. Поиск общих подходов, заинтересованность в достижении компромисса в новых геополитических и экономических условиях нашел отражение в Ташкентском заявлении. Документ заложил основы «переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон» [Пикулина 2013]. Однако политическая поддержка инициатив не получила практического воплощения.

Тем не менее стороны продолжили политический диалог, подписав (18 февраля 1992 г., Алма-Ата (Казахстан)) межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Это решение продемонстрировало готовность новых независимых государств Центральной Азии выйти на выработку общих подходов. Политическое соглашение базировалось на накопленном опыте. По этой причине центральноазиатские страны подтвердили готовность сохранить действовавший ранее режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов. «Речь

шла о протоколе № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Сырдарье, подписанного в феврале 1984 г. и протоколе № 566 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Амударье, подписанному в сентябре 1987 г. Данные документы предусматривали годовое распределение воды между странами бассейна Аральского моря, хотя сезонное распределение в них учтено не было» [Искандархонова 2007: 144].

Однако курс на выработку общих подходов не соответствовал политическим устремлениям элит стран Центральной Азии, которые намеревались утвердить свою государственность и решать экономические проблемы за счет своих соседей. Политический эгоизм стал проявляться в полную силу по мере нарастания проблем в экономике каждого из государств. В итоге договоры и соглашения, заключенные в советский период, оказались не востребованы. «Наиболее остро межгосударственные противоречия проявились в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего, Токтогульского» [Кузьмина 2007: 68]. В советское время сток Сырдарьи регулировался водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада, в первую очередь Токтогульским, в режиме, который был направлен на орошение в Казахстане и Узбекистане.

Конфликт интересов между отдельными странами проявился в 1993 г., когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. «В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища» [Гусейнов, Гончаренко 2010: 68–88]. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Киргизия объяснила необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период. Подобные действия киргизской и узбекской сторон были санкционированы на высшем уровне.

Безусловно, были факторы, которые в какой-то степени вынуждали Киргизию и Узбекистан действовать в одностороннем порядке. На экономику Киргизии негативное влияние оказал разрыв экономических связей в рамках региона и увеличение стоимости углеводородных ресурсов. В результате Киргизия, как и Таджикистан, столкнулась с энергетическим кризисом. «Простым» решением казалось изменить режим работы водохранилищ и использовать водные ресурсы исключительно в собственных интересах. В итоге водный вопрос был политизирован, поскольку оказался в фокусе внимания руководителей государств. Однако односторонние действия каждой из сторон, вне зависимости от причин, оказали негативное влияние на двусторонние отношения.

Двойственность политики, которую проводили страны Центральной Азии, вновь проявилась в 1993 г. Страны Центральной Азии вновь провели переговоры по водной проблематике и попытались устранить разногласия по вопросу водodelения и совместного использования водных ресурсов. Было принято «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников». Однако в политическом плане этот документ противоречил интересам центральноазиатских государств, каждое из которых жестко стояло на своих позициях.

Причины политизации водного вопроса следует усматривать в неготовности новых стран, образованных на территории Центральной Азии, к компромиссным решениям. Преобладала линия на принятие односторонних решений, без учета интересов соседних государств, что отражало политические подходы стран региона. По этой причине принятие в 1995 г. странами Центральной Азии Нукусской декларации не внесло изменений в ситуацию с водными ресурсами. В документе была подчеркнута важность ранее подписанных соглашений, регулирующих отношения в сфере водных ресурсов. Страны региона подтвердили приверженность принципу использования водных ресурсов в интересах всех государств. Однако практического механизма решения водных проблем предложено не было.

Вопрос о водных ресурсах был политизирован в силу монетизации водного вопроса. Этот подход получил поддержку в ряде стран Центральной Азии на высшем уровне. Активно данную позицию продвигала Киргизия, отстаивая свое право собственности на воду трансграничных водотоков. По мере нарастания дефицита воды вопрос собственности на воду получил новый импульс. В результате из-за «высокого уровня рождаемости и безработицы в Центральной Азии водная проблема превратилась в серьезный фактор дестабилизации региона» [Жильцов 2001]. Кроме того, для новых независимых стран Центральной Азии «наиболее сложной оказалась проблема водodelения» [Жильцов, Зонн 2008: 50]. Разрушив прежнюю систему, страны Центральной Азии не смогли предложить новую систему, что спровоцировало взаимные претензии. Они были связаны, прежде всего, с определением объема водных ресурсов. Каждая из стран перестала считаться с интересами своих соседей, проводя эгоистичную политику [Ибатуллин, Ясинский, Мироненков 2009: 44]. Вместе с тем страны демонстрировали готовность к решению водной проблематике. При этом сохранялось «отсутствие межгосударственного регулирования водных ресурсов, необходимого для удовлетворения неравномерных в течение года потребностей в воде на ирригацию» [Винокуров и др. 2021].

В 1998 г. было заключено соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья». Таджикистан присоединился к документу в 1999 г. Данный документ имел рамочный характер, хотя в нем были зафиксированы принципы компенсаций. При этом в нем «не был описан экономический механизм взаимоотношений между гидроэнергетикой и ирригацией» [Петров 2010: 63]. В итоге страны нижнего течения летом, в период наибольшей потребности в воде, по-прежнему испытывали ее дефицит, а зимой — сталкивались с подтоплениями и затоплениями водохозяйственных объектов.

Принимаемые документы не способствовали решению проблемы эффективного использования водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, поскольку не были подкреплены практическими механизмами компенсаций. Политический курс каждого из государств был направлен на самостоятельное решение проблемы и игнорирование интересов соседей. В свою очередь, в силу экономических проблем, страны нижнего течения были не готовы компенсировать потери от изменения режима работы водохранилищ странам верхнего течения. Более того, «каждое из государств региона рассчитывало самостоятельно

решить возникающие проблемы в сфере водных ресурсов и через давление на соседей добиться положительного для себя результата. Фактически речь шла о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств» [Боришполец 2010: 29]. В результате между Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией периодически обострялись межгосударственные отношения по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек.

Причины конфликтных ситуаций между странами региона в сфере водных ресурсов трансграничных рек скрывались в положениях, которые были зафиксированы в национальных законодательствах. В документах ряда центрально-азиатских стран вода была определена в качестве ресурса, который принадлежит государству. В Водном кодексе Таджикистана (статья 4), принятом в декабре 1993 г., водные ресурсы рассматривались в качестве исключительной собственности государства. Аналогичное положение содержится в законе Киргизии «О воде» (статья 5), принятом в январе 1994 г. Эти два государства занимали и занимают ключевые позиции с точки зрения контроля над водными ресурсами, что нашло отражение в первые годы после распада СССР. Впрочем, схожие положения были прописаны в Законе Узбекистана «О воде и водопользовании» (статья 3), принятом в мае 1993 г. Там говорится о принадлежности государству водных ресурсов. Схожая позиция отражена в Водном кодексе Туркменистана, принятом в июне 1993 г. В Водном кодексе Казахстана (статья 8), принятом в июле 2003 г., говорится об исключительной собственности государства на водные ресурсы. Данные документы впоследствии дополнялись и уточнялись, однако главный тезис в них оставался неизменным — водные ресурсы являются исключительной собственностью государства, которое по своему усмотрению регулирует их использование.

Политизацию водного вопроса усилили решения, принятые в государствах верхнего течения — Таджикистане и Киргизии, которые придерживались линии о том, что являются единоличными владельцами водных ресурсов. В 2001 г. в Киргизии был принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсах и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В документе подчеркивались права страны на водные ресурсы и водохозяйственные объекты в пределах границ государства, а кроме того, отмечалось, что вода имеет стоимость. Схожую позицию занимал Таджикистан.

Страны региона придерживались собственных представлений относительно использования водных ресурсов трансграничных рек. Более того, во многих внутригосударственных законах стран Центральной Азии, двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует определение «трансграничные реки». В основном используются термины «водный ресурс», «водно-энергетический ресурс» и т. п. Подобный подход противоречит «положениям международного права, в котором рассматриваются вопросы трансграничных водных ресурсов и порождает значительные трудности в использовании международного законодательства» [Искандархонова 2007: 146]. В результате «недостаточно четкое понимание и весьма слабое применение государствами Центральной Азии

принципов и норм международного права в области использования и охраны трансграничных ресурсов являлось одним из сдерживающих факторов в решении существующих в регионе проблем» [Аманжолов 2007: 231].

Межправительственные соглашения, призванные регулировать использование водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, не сняли с повестки дня проблему. Соответственно, выработка механизма, учитывающего интересы всех стран Центральной Азии в использовании водно-энергетического потенциала, остается в числе приоритетов центральноазиатских государств.

В итоге, несмотря на договоренности, подписанные документы, так и не был выработан механизм совместного управления водными ресурсами. Более того, диаметрально противоположные позиции стран региона не позволяют приступить к решению водных проблем. В условиях отсутствия законодательства, регулирующего использование водных ресурсов, страны Центральной Азии стали действовать в одностороннем порядке. Подобные решения принимались на высшем уровне в каждом из центральноазиатских государств, тем самым подчеркивая политический характер проводимого внешнеполитического курса в этой сфере. Отсутствие четкого законодательства, регулирующего использование гидроресурсов трансграничных рек, также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. «Страны Центральной Азии испытывают значительные трудности в сопоставлении топливно-энергетических ресурсов и водных ресурсов, которые каждая из стран региона пока еще предлагает обменивать» [Ауелбаев, Ержанов 2009: 14].

Ключевые проблемы

В последние десятилетия вода в Центральной Азии превратилась в ресурс, который необходим не только для развития региона, но и отдельных государств. При этом политическое значение водных ресурсов многократно возросло. Ключевым вопросом для стран региона по-прежнему остается управление водными ресурсами. С ним тесно переплетаются задачи, связанные с развитием сельского хозяйства, производством электроэнергии, расширением производственной базы. С каждым годом выполнять намеченные планы в этих и других секторах экономики становится все труднее, поскольку доступ к водным ресурсам ограничен вследствие политики соседей по региону либо в силу нарастания дефицита водных ресурсов.

Еще в начале второго десятилетия XXI в. были опубликованы прогнозы, которые показывали, что среднее количество водных ресурсов, приходящихся на одного жителя Земли, сократится с текущих 750 м³ воды в год до 450 м³ воды в год к 2025 г. [Орлов, Чечевишников, Чернявский 2011: 5]. Эти прогнозы в целом оправдываются, поскольку дефицит водных ресурсов возрос. Рост численности населения усилит спрос на водные ресурсы, поскольку возникла необходимость в выработке дополнительной энергии [Glanz 2018].

Политический курс стран Центральной Азии, направленный на самостоятельное решение проблемы с водой, сталкивался с нарастающими

экономическими проблемами. Прежде всего, значительно снизился уровень финансирования инфраструктуры. Так, «за 1994–2020 гг. объем забора воды на коммунально-бытовые нужды вырос в 2 раза, а инвестиции в инфраструктуру питьевого водоснабжения были неадекватны этому росту. Для решения вызовов в 2025–2030 гг. сектор нуждается в дополнительных 2 млрд долл. инвестиций ежегодно» [Винокуров и др. 2024].

Другой проблемой являлось изменение режима работы крупных водохранилищ — перевод работы гидроузлов из ирригационного режима в энергетический. В итоге произошло «нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС» [Винокуров и др. 2024]. Данный курс, который носил политический характер, поскольку такие решения принимались не специалистами, занимающимися проблемами ГЭС и водохранилищ, а на высшем уровне, в действительности привел к конфликтным ситуациям. Страны верховья стремились увеличить производство гидроэнергии, что противоречило интересам стран нижнего течения, которые были заинтересованы получать воду в летний период. Подобные нестыковки и расхождения интересов в использовании водно-энергетических ресурсов обострили ситуацию в регионе и между отдельными странами и негативно сказались на межгосударственных отношениях в регионе.

Водные ресурсы превратились в источник потенциальных социально-политических, этнонациональных и межгосударственных конфликтов. Это связано с расхождением политики стран, расположенных в верхней и нижней части течения трансграничных рек. Таджикистан и Киргизия (по разным оценкам, контролируют 80 % всех запасов поверхностных вод в регионе), обладая значительными водными ресурсами, для выработки электроэнергии спускают воду не только в летний, но и в зимний период. Построенные в советское время в верховьях Амударьи и Сырдарьи водохранилища позволяют регулировать сток, поступающий в страны, расположенные в низовьях. В результате, имея столь мощный «рычаг» влияния, Киргизия и Таджикистан получают возможность влиять на сопредельные страны — Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

На политизацию вопросов, связанных с водными ресурсами, большое влияние оказывает проблема изменение климата. В Центральной Азии происходит быстрое изменение климата. В результате все чаще страны региона сталкиваются с проблемой снижения объема водных осадков, уменьшения площади ледников. За последние десятилетия площадь ледников, которые являются основным источником наполнения трансграничных рек Амударьи и Сырдарьи, уменьшилась примерно на треть. Это оказывает негативное влияние на сток данных рек. При этом быстрыми темпами увеличивается численность населения, что ведет к росту нагрузки на экономическую и социальную системы.

Современный этап

В последние годы ситуация с водными ресурсами в Центральной Азии обострилась. При этом положительные изменения претерпели политические отношения между странами региона. В последние годы политический курс стран

региона направлен на поиск взаимоприемлемых решений, расширение взаимодействия в водно-энергетической сфере. Так, на VI Консультативной встрече лидеров стран Центральной Азии, которая прошла в августе 2024 г., подчеркивалось, что «планомерно решаются вопросы водопользования»¹.

Подтверждением курса на решение водной проблематики являются подписанные многосторонние соглашения между центральноазиатскими государствами. Одним из подобных примеров сотрудничества стало сотрудничество в 2023–2024 гг. между Киргизией, Казахстаном и Узбекистаном, которые подписали документы о совместном реализации проекта строительства Камбаратинской ГЭС-1. Достижение данных договоренностей показывает изменение в политике центральноазиатских государств, которые рассчитывают посредством данного проекта решить проблему дефицита водных ресурсов.

Страны создали совместную компанию, в которой Киргизии принадлежит 34 %, а остальным участникам — по 33 %. Стоимость проекта составляет около 6 млрд долл. США. Поскольку подобных средств нет ни у одного из центральноазиатских государств, то принято политическое решение привлекать средства международных финансовых структур. Активную роль в продвижении проекта принимает Всемирный банк, который уже обещал предоставить киргизской стороне порядка 500 млн долл. Кроме того, Всемирный банк заручился поддержкой Азиатского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Европейского банка реконструкции. Подобная вовлеченность международных финансовых структур может привести к росту геополитического соперничества между западными государствами, которые реализуют водную политику в Центральной Азии, а также Россией и Китаем, имеющими в регионе свои интересы в этой области.

Демонстрация политической воли к решению водной проблемы не снижает остроты данного вопроса. Двусторонние и многосторонние договоренности осуществляются на фоне принятия решений внутри каждого из государств, вынужденных обращать внимание на данную сферу повышенное внимание, поскольку проблемы с водой нарастают. Так, Узбекистан был вынужден «продолжить сокращение посевов риса»². В свою очередь, Казахстан стремится выработать комплекс мер, направленных на снижение негативного влияния возрастающего дефицита водных ресурсов [Жильцов, Зонн 2019]. Данные вопросы нашли отражение в проекте Водного кодекса страны, принятого парламентом в первом чтении. В документе зафиксированы пять принципов, среди которых необходимо осуществлять «комплексное использование поверхностных и подземных вод»³.

¹ Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 9 августа 2024 г. URL: <https://www.akorda.kz/ru/podpredsedatelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327> (дата обращения: 17.09.2024).

² Надежда на сибирские реки: страны Центральной Азии вновь делят воду. 17 января 2024 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19740749> (дата обращения: 17.10.2024).

³ Мажилис Казахстана принял проект нового Водного кодекса в первом чтении. 29 ноября 2024 г. <https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-11-29--mazhilis-kazahstana-prinjal-proekt-novogo-vodnogo-kodeksa-v-pervom-chtenii-77124> (дата обращения: 29.11.2024).

Заключение

В последние годы нет недостатка в прогнозах относительно ситуации с водными ресурсами в Центральной Азии и, соответственно, оценок о будущем характере отношений между центральноазиатскими государствами. Они исходят из нарастающего дефицита водных ресурсов в регионе, которые разобраны по национальным государствам. Сложившаяся ситуация отражает итоги принятых после распада СССР политических решений, которые практически не учитывали интересы соседей. Отсутствие прогресса в вопросах создания наднациональных (или межгосударственных) структур в регионе для регулирования водных отношений или внедрение альтернативных вариантов получения воды по-прежнему ведет к политизации вопроса. При этом на политическом уровне обсуждаются различные варианты переброски воды из соседних государств, например из России. Однако в современных условиях геополитического противоборства и сокращения финансовых возможностей у российской стороны и отсутствия средств у центральноазиатских государств реализация масштабных инфраструктурных проектов практически невозможна.

На фоне обсуждения путей решения водного вопроса усиливается дефицит воды, физические объемы которой в последнее десятилетие сократились. Процесс этот имеет тенденцию к продолжению. Нарастающий дефицит водных ресурсов связан с изменениями климата и проводимой государствами региона политикой. Изменение климата уже привело к сокращению площади ледников и снежного покрова в горах. В итоге объем водных ресурсов значительно снизился. За последние годы Амударья потеряла около трети водных ресурсов. На фоне тенденции снижения объема доступной воды спрос на нее увеличивается. Это связано с ростом численности населения в странах Центральной Азии, амбициозными планами развития национальных экономик, а также продолжающимся курсом стран региона на строительство гидротехнических объектов⁴.

К существующим факторам добавился «фактор» Афганистана, который приступил к строительству канала Кош-Тепа. Реализация данного проекта увеличит забор воды из Амударьи. Помимо этого, афганская сторона активизировала строительство Дашт-и-Джунского гидроузла, который сможет аккумулировать значительную часть летнего стока реки Пяндж⁵. Строительство данных объектов может ухудшить ситуацию с водными ресурсами для Узбекистана и Туркменистана.

В целом можно говорить о том, что страны, расположенные в верховьях и низовьях трансграничных водотоков, недовольны позицией друг друга и заинтересованы изменить режим действующих соглашений по использованию

⁴ Жильцов С.С. Центральная Азия: в поисках общей водной политики. 16 июня 2024 г. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2024-06-16/11_9028_asia.html (дата обращения: 23.09.2024).

⁵ Новые соглашения по воде в Центральной Азии: что делать Кыргызстану. 8 августа 2023 г. URL: https://www.water.gov.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=2163:novye-soglasheniya-po-vode-v-tsentralnoj-azii-chto-delat-kyrgyzstanu&Itemid=1437&lang=ru (дата обращения: 24.10.2024).

водных ресурсов. Однако подобные решения, принятые на высшем уровне, будут носить политический характер и неизбежно ухудшать межгосударственные отношения.

При этом во многом существующие соглашения по воде не устраивают не только страны, находящиеся в низовьях рек. Государства, где формируются реки, полагают, что нижние страны получают гораздо больше воды, чем они сами, и при этом финансовая нагрузка по строительству и обслуживанию гидротехнических сооружений в основном лежит на верхних государствах.

Ключевая проблема для региона заключается в том, что страны Центральной Азии не продвинулись дальше деклараций. До сих пор отсутствуют общие политические подходы к регулированию трансграничных водотоков, не говоря уже о механизмах, способных реально регулировать использование водных ресурсов в интересах всех сторон.

В последние годы страны Центральной Азии проводят консультации. Однако они больше направлены на обсуждение сложившейся ситуации, нежели на выработку практических шагов, способных наладить многостороннее сотрудничество.

Все более остро встает вопрос, что будет происходить, когда дефицит водных ресурсов достигнет критического предела, после которого страны будут поставлены перед выбором: соглашаться на расширение сотрудничества и сообща искать непопулярные и непростые решения или попытаться решить проблему в одностороннем порядке. Последний вариант приведет к обострению ситуации в регионе. Без отказа от национального эгоизма в водной сфере решить данную проблему будет практически невозможно.

Поступила в редакцию / Received: 22.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 19.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Аманжолов Ж.М.* Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии // *Московский журнал международного права*. 2007. № 4. С. 226–244. <http://doi.org/10.24833/0869-0049-2007-4-226-244>; EDN: IISUPP
- Ауелбаев Б., Ержанов Т.* Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона // *Analytic (Казахстан)*. 2009. № 3. С. 13–18.
- Боришполец К.П.* Вода как *perpetuum Mobile* центрально-азиатской политики // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 2010. № 5. С. 29–34. EDN: NCFETB
- Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н., Цукарев Т., Сарсембеков Т.* Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии : доклады и рабочие документы 21/3. Алматы, Москва : Евразийский банк развития, 2021.
- Винокуров Е., Ахунбаев А., Чуев С., Адахаев А., Сарсембеков Т.* Питьевое водоснабжение и водоотведение в Центральной Азии. Доклад 24/5. Алматы : Евразийский банк развития, 2024.

- Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии. Аналитический доклад. Москва : Центр стратегических оценок и прогнозов, 2009.
- Гусейнов В., Гончаренко А. Водные ресурсы ЦАР // Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. Москва : Красная звезда, 2010. С. 68–88.
- Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18, № 1. С. 90–100. EDN: TQVBAR
- Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. М.: Эдель-М, 2001. EDN: SOZTAX
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности 2008. №3. С. 49–62. EDN: OWMNEZ
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Роль водных ресурсов в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, №3. С. 228–237. <http://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-228-237> EDN: VZBOMC
- Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10, №2. С. 110–119. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>; EDN: OQTYVK
- Ибатуллин С.Р., Ясинский В.А., Мироненков А.П. Влияние изменения климата на водные ресурсы в Центральной Азии. Алматы : Евразийский банк развития, 2009.
- Искандархонова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии // Московский журнал международного права. 2007. №3. С. 140–153. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2007-3-140-153>; EDN: IBQDOR
- Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007. EDN: QOGPOT
- Орлов А.А., Чечевишников А.Л., Чернявский С.И. Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. Москва : МГИМО-У, 2011.
- Петров Г. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2010. №3. С. 59–72. EDN: PXMLPX
- Пикулина М.Л. Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии // Казахстан Спектр. 2013. № 1. С. 30–42
- Сарсембеков Т., Мироненков А. Два в одном: можно ли разделить воду и гидроэнергию // Мировая энергетика. 2007. № 8. С. 50–51.
- Glanz M.H. Water Security in a Changing Climate // WMO Bulletin. World Meteorological Organization / ed. by E. Manankova. 2018. Vol. 67. (1). P. 4–8.

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: sergej-z71@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627)